

РЕДУКЦИЯ «ЭСТЕТИЧЕСКОГО» К «ПРЕКРАСНОМУ»

А.Б. Демидов

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Эстетическая наука затрудняется с определением своего предмета. Чаще всего предлагают считать предметом эстетики «прекрасное», однако тогда исключаются из рассмотрения многие феномены, интуитивно относимые к эстетическим. Цель – выяснить, почему Кант выделил в совершенно особый разряд «прекрасное» (наряду с «возвышенным»), которое нынешние эстетики нередко принимают за «эстетическое» как таковое.

Материал и методы. Некоторые эстетики ищут альтернативу «прекрасному» в понятии «эстетическое», но таким способом приходят к тавтологическому определению предмета, что равнозначно отсутствию определения. Образцовыми обоснованиями особого статуса «прекрасного» являются теоретические построения И. Канта.

Результаты и их обсуждение. По мнению Канта, общее для эстетических суждений всех видов – это их связь с «чувством удовольствия и неудовольствия», «внутренним чувством». Различие видов эстетических суждений заключается в том, каковы особенности тех причин, из-за которых возникают «внутренние чувства», являются ли эти причины «духовными», «формальными», «материальными», «чистыми», «нечистыми». При сравнении указываемых Кантом причин или поводов для эстетических суждений заметно, что всем эстетическим суждениям, кроме суждений о прекрасном и возвышенном, приписываются некие «нечистые» основания. Они замутнены аффектами, материальными влияниями, из-за которых душа *не свободна* в суждениях.

Кант оценивал аффекты и страсти, в общем, негативно. Напротив, о бесстрастии и самообладании он одобрительно высказывался в «Основоположениях метафизики нравов»: «Обуздание аффектов и страстей, самообладание и трезвое размышление не только во многих отношениях хороши, но, по-видимому, составляют даже часть *внутренней* ценности личности...» [1, с. 162]; и в «Критике способности суждения»: «...*Отсутствие аффектов* (apatheia, phlegma in significant bono) в душе, следующей своим неизменным принципам... возвышенно, потому что оно одновременно имеет на своей стороне благоволение чистого разума. Только такого рода душевное состояние называется *благородным*...» [2, с. 112].

Чем же нехороши аффекты и страсти? Они ослепляют человека, лишают способности к самоопределению, «ибо если в аффекте свобода души *тормозится*, то в страсти она *устраняется*» [2, с. 111]. Проблема свободы воли, души, человека, проблема соотношения автономии и гетерономии весьма занимала Канта. Можно сказать, что в этом отношении все три части его критической философии представляют собой единую *философию самообладания*. В автономии Кант видел «основание достоинства человека и всякого разумного естества» [1, с. 213]. Во всех трёх «критиках» Кант методично занимался *сепарацией* автономных моментов в душе человека от гетерономных, выделяя то, что составляет «достоинство человека».

Особый статус суждениям о «прекрасном» и «возвышенном» придаёт *приписываемая* им Кантом «чистота», якобы обеспечиваемая априорностью и автономностью. Они не замутнены ни аффектами и страстями (будучи «незаинтересованными», бесстрастными), ни «материальным» содержанием (будучи «формальными», целесообразными по форме). Прочие эстетические феномены, судя по характеристике Канта, не «чисты». Говоря о музыке и смехе, Кант констатирует, что

«оживление в обоих случаях носит только телесный характер, хотя оно и создаётся идеями души»; оно «есть просто чувство здоровья, достигнутое благодаря соответствующему этой игре движению внутренних органов. Не суждение о гармонии звуков или острот, которая своей красотой служит лишь необходимым средством, а повышенная жизнедеятельность тела, аффект, который приводит в движение внутренние органы и диафрагму, одним словом, чувство здоровья (без такого повода оно обычно не ощущается), составляет удовольствие...» [2, с. 174]. По сходным соображениям Кант отмечает, что «и грусть... может быть отнесена к *здоровым аффектам*, если она основана на моральных идеях; если же она основана на симпатии и в качестве таковой выражает любезность, то относится лишь к *расслабляющим аффектам*» [2, с. 116]. Ещё один эстетический феномен – удивление – Кант характеризует как «аффект при представлении о новизне, превосходящей ожидания» [2, с. 112]. Так или иначе не «чистыми» оказываются и такие упоминаемые Кантом эстетические феномены, как страх, восхищение, ужас, трепет.

Итак, Кант не считал эстетическими только суждения о прекрасном и возвышенном, но выделил последние два вида суждений в качестве предмета для особого, *трансцендентального* исследования, о чём он высказался достаточно определённо: «...в трансцендентальной эстетике способности суждения речь должна идти только о чистых эстетических суждениях...» [2, с. 109]. И «...если суждение определяется чем-либо другим, чувственным ощущением или рассудочным понятием, оно... уже не будет суждением *свободной* способности суждения» [2, с. 110].

Но каким образом Канту удалось «выгородить» заповедно чистую зону для «прекрасного» и «возвышенного» среди «нечистых» эстетических суждений? Ответ заключается в том, что чувство удовольствия или благоволения, с которым связаны суждения о прекрасном и возвышенном, происходит от собственных действий души, а не от аффицирований и аффектов, идущих извне.

По объяснениям Канта, причиной чувства удовольствия при созерцании прекрасного является *облегчение игры* познавательных способностей (воображения и рассудка), а не созерцаемый предмет сам по себе. Это удовольствие является «не удовольствием от наслаждения, возникающего из ощущения, а удовольствием от рефлексии» [2, с. 147]. Оба эти фактора, обуславливающие чувство удовольствия при созерцании прекрасного, принадлежат душе, они автономные, не гетерономные.

Ещё более рафинированным представляется суждение о возвышенном. Ему вообще не соответствует никакой наблюдаемый вовне предмет. По Канту, чувство возвышенного «есть удовольствие, которое возникает лишь опосредствованно, а именно порождается чувством мгновенного торможения жизненных сил и следующего за этим их прилива» [2, с. 82–83]. Нечто несоизмеримо великое по сравнению с человеческими силами может само по себе вызывать лишь оторопь, испуг, но человек способен осознавать, что он неподвластен этой силе. Это эстетическое переживание своей неподвластности какой бы то ни было внешней силе и есть душевный настрой, или образ мысли, или духовное чувство, которое Кант называет «возвышенным». Оно не внушается чем-то извне, а порождается самой разумной душой, преодолевающей гнёт аффицирований и аффектов, поэтому оно – автономное и, значит, «чистое».

Заключение. Разбирая вопрос о том, ограничивал ли Кант «эстетическое» критериями незаинтересованности и целесообразности, мы можем определённо сказать: нет. Всё множество возможных видов эстетических суждений, т. е. суждений, привязанных к чувству удовольствия и неудовольствия, Кант определил

(значит, ограничил) признаком их *свободы* от понятий (рассудка). Среди этого обширного множества всевозможных эстетических суждений Кант особо выделил суждения о прекрасном и возвышенном как подлинно «чистые» эстетические суждения, определив (ограничив) их признаком *свободы* от привходящих чувств, которые возникают вследствие аффицирований и аффектов. Впоследствии, у нынешних эстетиков, на острие внимания осталось только «прекрасное», так как «возвышенное» практически не привлекает их внимания; у «прекрасного» же особо выделяются обоснованные Кантом характеристики незаинтересованности и целесообразности (прочие характеристики опять-таки выпадают из внимания). Так незаинтересованность и целесообразность стали пониматься в качестве атрибутов, основных характеристик «эстетического» вообще.

Список литературы

1. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Соч. В 8-ми т. Т. 4. – М.: Чоро, 1994.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч. В 8-ми т. Т. 5. – М.: Чоро 1994.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА И РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

О.Н. Затаева
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Процесс подготовки кадров в высших учебных заведениях должен быть ориентирован не только на профессиональное, но и на всестороннее личностное и творческое развитие будущих специалистов. Воспитание способности к творчеству должно стать одной из главных задач современного высшего образования. Для выпускников вузов это является значимым, потому что именно творческий подход к делу, креативность мышления помогает ориентироваться в условиях быстроизменяющихся запросов общества, определяет результативность работы, влияет на профессионализм, является существенным фактором при трудоустройстве молодых кадров. Немаловажная роль в данном процессе играет культурно-образовательная среда вуза, основной целью которой является максимальное развитие творческого потенциала будущего специалиста. Цель нашего исследования - определение требований к структурным компонентам культурно-образовательной среды вуза, необходимых для развития креативности студентов.

Материал и методы. На основании изучения исследования теоретических источников [1, 2, 3], а также практического опыта работы со студентами художественных специальностей нами было установлено, что развитие их креативности возможно лишь в специально организованной среде вуза. Среда, в которой креативность могла бы актуализироваться, должна обладать высокой степенью неопределенности, потенциальной многовариантностью и принципиальной незавершенностью. Неопределенность мобилизует студентов на активный поиск собственных ориентиров, многовариантность обеспечивает возможность их нахождения, незавершенность стимулирует развитие воображения, фантазии, проективных начал.

Результаты и их обсуждение. В процессе исследования мы пришли к выводу, что культурно-образовательная среда вуза должна состоять из нескольких структурных компонентов, которые активно влияют на развитие креативности